

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

**Атлас модернизации России и ее регионов:
социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы
Москва: Весь мир, 2016. 360 с.**

В новой книге обобщены результаты коллективных исследований социальных, культурных и институциональных характеристик современного российского социума за период с 2000 до 2012 г. по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». Программа разработана Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН и осуществляется под научно-методическим руководством одноименного Научно-координационного совета Секции философии, политологии, социологии, психологии и права (ФПСПП) Отделения общественных наук РАН. Разнообразие представленного в атласе материала, а также острота постановки и оригинальность предлагаемых решений, гуманистический вектор авторских позиций представляют большой интерес как для профессионалов-исследователей, так и для широкого круга читателей, интересующихся проблемами и перспективами социально-экономического и культурного развития России.

Проблемы и перспективы российского социума в решающей степени обусловлены размерами и неоднородностью российского хозяйственного пространства, в частности асимметрией размещения природных, капитальных и людских источников благосостояния. Первые, как известно, сосредоточены на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке страны, тогда как капитальные и людские источники сконцентрированы в центральных и южных ее регионах. В тексте атласа акцентируется также асимметричность этнотерриториальной конструкции России – одновременного существования этнокультурной гомогенности и гетерогенности (с. 51). Этим обстоятельством определяется важность исследования именно пространственного аспекта актуальных для России проблем. Но как раз региональные характеристики социально-культурной, этнической и институциональной среды, их растущая дифференциация находятся в центре внимания авторского коллектива.

В названии рецензируемой книги используется не распространенное понимание термина *атлас* (как систематического собрания карт или специального альбома с изображениями, которые используются для иллюстративных или учебно-педагогических целей), а более широкое, эпистемологическое его понимание. Атлас – это для его авторов и редакторов «пространственно систематизированное представление данных об изучаемых объектах, которое значимо для их познания» (с. 6). Иными словами, рецензируемая книга – это особый вид атласа – *проблемно-аналитический*. Примером применения подобного более широкого понимания термина является четырехтомный «Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков юга России», подготовленный Южным научным центром РАН (отв. ред. академик Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006–2010. Т. 1–4).

В *проблемно-аналитических* атласах (в отличие от атласов иллюстративных) представление данных организовано особым образом, значимым не столько для описания или для визуализации, сколько для познания объектов. Современные региональные российские реальности, фиксируют авторы, «насыщены плохо понимаемыми проблемами и предстают как неупорядоченное множество противоречий, глубинное содержание которых неясно. Их пространственная систематизация означает такое их упорядочение в определенном пространстве, которое позволяет корректно сопоставлять эти объекты, чтобы лучше понимать содержа-

Сулов В. И. Рецензия на книгу: Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. Москва: Весь мир, 2016. 360 с. // Мир экономики и управления. 2017. Т. 17, № 3. С. 199–202.

ние их проблем и тенденций» (с. 6). С такой оценкой трудно согласиться, ведь в тексте рецензируемой книги авторы упоминают исследования, выполненные в последние годы под руководством ведущих ученых России (академиков Л. И. Абалкина, А. Г. Аганбегяна, С. Ю. Глазьева, М. К. Горшкова, А. Г. Гранберга, Т. И. Заславской, В. В. Ивантера, В. М. Котлякова, Д. С. Львова, В. Л. Макарова, Н. Я. Петракова, В. М. Полтеровича, Е. М. Примакова), где предприняты убедительные попытки не просто упорядочения, но радикального и эффективного решения многих региональных и общероссийских социально-экономических, культурных и институциональных проблем, где обозначены и стратегические вызовы, и главные барьеры на пути их разрешения.

Представление российских регионов в ракурсе всемирного процесса модернизации, осуществленное авторским коллективом, делает возможным выявление четырех системных компонент, каждую из которых авторы предлагают рассматривать как «частичную, компонентную модернизацию» (с. 19).

Это, во-первых, *техничко-технологическая* компонента, для которой становление и последовательное доминирование первых четырех технологических укладов (текстильного, железнодорожно-пароходного, автомобильно-электрического и химико-агротехнического) отображает стадию трансформации аграрной экономики в промышленную, т. е. четыре стадии индустриализации или первичной модернизации. Становление же и доминирование пятого (электронная промышленность, вычислительная техника), как и зарождение шестого (нанотехнологии, клеточные технологии, безопасное хранение и переработка промышленных отходов, в том числе отработанного ядерного топлива и др.), отображает переход к постиндустриальному обществу знаний, или вторичную модернизацию.

Во-вторых, рассматривается *социоэкономическая* компонента, отображающая повышение ВВП (ВРП) на душу населения, а также изменения пропорций основных сфер хозяйства – аграрной, индустриальной, информационной, и доли обслуживающей деятельности в занятости и в добавленной стоимости. На первой, индустриальной, стадии модернизации неуклонно растет доля *индустриальной сферы*, и снижается доля аграрной. На второй, информационной, стадии значительно увеличивается доля *сферы услуг*, в особенности производства, трансляции и использования *новых знаний*, и уменьшается доля материального производства. Помимо этого, резко возрастает налоговая нагрузка на население и бизнес с 10–15 % национального дохода, обеспечивающих выполнение государством традиционных для него охранных функций, до 40–55 %, обеспечивающих в развитом мире социальные права населения – на образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение (см.: *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 480 с.)

Отличие третьей – *социокультурной* – компоненты от второй – *социоэкономической* – состоит в том, что она фиксирует «не экономико-финансовые, а собственно человеческие измерения этих прав: достижение достойных содержания и условий труда, уровня и качества жизни людей, формирование и утверждение совокупности ценностей, в центре которых находится развитие человека как личности, его способностей и потребностей, свобод и прав, социальных обязанностей и профессиональных компетенций, а их утверждение в повседневной жизни обеспечивается развитием социокультурной стратификации и такими институтами, как наука и образование, социальное обеспечение, медицинское и информационное обслуживание» (с. 25).

В-четвертых, авторский коллектив сосредоточивается на исследовании *институционально-регулятивной* компоненты, которая включает изменения совокупности формальных и неформальных правил действий индивидов и организаций в экономической, политической, общественной жизни общества: «Общий вектор изменений составляет глубокая демократизация государственной и всей политической жизни общества, его судебно-правовых учреждений, обеспечение активности гражданского общества, противодействие избыточности бюрократических процедур контроля и числа чиновников, занятых созданием и внедрением этих процедур (дебюрократизация). Однако сохраняются и могут усиливаться тенденции бюрократизации и авторитарной вседозволенности» (с. 25).

Выполненный авторским коллективом анализ позволяет им согласиться с выводами аналитиков Всемирного банка о том, что «во многих ресурсобеспеченных странах, в том числе в России, где не отмечается рост производительности труда и эффективной занятости, про-

блема заключена в необходимости повысить качество государственного управления и институтов, в частности, сократить коррупцию» (с. 49). Они считают несовершенство четвертой компоненты своего рода барьером на пути реиндустриализации, а также вторичной и интегрирующей модернизации российского социума и фактором, обуславливающим «спонтанность модернизационных процессов в России» (с. 295–307).

Из-за несбалансированности четырех системных компонент модернизации в России возникают такие явления, как *квазимодернизация*, связанная с увеличением индекса первичной модернизации по причине сокращения посевных площадей и занятости в аграрной сфере, а не по причине роста продуктивности этой сферы (с. 297). Наблюдается большое отставание России в достижении стандартных показателей модернизации – только 25 регионов из 83 вступили в стадию вторичной модернизации к 2012 г., а в 58 регионах «достигнутые рубежи соответствовали состоянию модернизированной развитых стран полувековой давности – в начале 60-х гг. XX столетия» (с. 297). К тому же процессы модернизации в России «упираются в низкое качество рыночной конкуренции и управления – некомпетентность многих менеджеров и чиновников, дополняемую их активной открытостью коррупции, соответственно – непрозрачностью их действий. В результате массовые модернизационные процессы совершаются по преимуществу *спонтанно*, вопреки коррумпированному противодействию» (с. 299).

В центре внимания авторского коллектива далее (гл. 3–9) оказываются модернизационные процессы, разворачивающиеся в 7 федеральных округах – Центральном, Северо-Западном, Южном, Приволжском, Уральском, Сибирском и Дальневосточном (отсутствует описание Северо-Кавказского федерального округа из-за недостаточно достоверных индексов модернизации), не представлены Республика Крым и г. Севастополь. Тексты этих глав, написанные в едином методологическом ключе, являются достаточно неоднородными в проблемном плане. Хорошее впечатление производят характеристики Центрального, Приволжского и Уральского федеральных округов, где представлены не только стадии, но и тренды модернизации, и, помимо стандартного, применен также оригинальный исследовательский инструментарий. Слабее выглядят остальные тексты, представляющие при этом определенный интерес для сравнительных междисциплинарных исследований и сопоставлений.

Богатый материал содержится в Приложении (с. 322–356), где воспроизведен инструментарий Центра исследований модернизации АН Китая (ЦИМ АНК), адаптированный к особенностям российских условий и статистики Центром изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН (с. 323–327).

Опубликованы сводные таблицы параметров модернизации России и ее регионов в 2000, 2005, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012 гг., рассчитанные на основе данных российской статистики и с учетом стандартных значений индикаторов, полученных ЦИМ АНК по данным международной статистики. Сводные таблицы фиксируют для всех регионов России – федеральных округов и столиц, областей и краев, автономных областей и республик – данные о типах модернизированности, об индексах, уровнях и фазах первичной, вторичной и интегрированной модернизации (с. 328–348). Данные сводных таблиц могут послужить в качестве информационной базы для сравнительных региональных исследований магистрантов, аспирантов, диссертантов, а также будут полезны для студентов экономических и гуманитарных специальностей при подготовке курсовых и выпускных квалификационных работ.

В Приложении (с. 349–356) представлены также графики динамики индексов модернизации регионов (по федеральным округам и входящим в округа регионам), полученные с помощью информационной системы «Модернизация», которая создана и запатентована специалистами ИСЭРТ РАН и может быть использована для анализа данных.

В тексте Атласа имеются цветные карты мира, России и ее федеральных округов, описывающие достигнутые состояния и динамику модернизированности, визуализирующие результаты, полученные авторским коллективом. Эти карты в сочетании с графиками и таблицами убедительно иллюстрируют выводы авторского коллектива, заслуживающие внимания и заинтересованного обсуждения специалистов и общественности.

Авторы формулируют свои выводы с осторожностью, используют вопросительные, а не утвердительные интонации. Но острота выводов при этом сохраняется. Авторы считают, что *модернизация России – это необходимый ответ на социокультурные вызовы, способ реше-*

ния проблем и судьбы России как страны и цивилизации (с. 6), и фиксируют в тексте Атласа уже упомянутую выше спонтанность модернизации (с. 295–298), т. е. индифферентность, а не стратегическую ориентированность государства на завершение первичной модернизации, на реиндустриализацию и вторичную модернизацию.

Авторы фиксируют кроме этого:

- несбалансированность составляющих вторичной и интегрированной модернизации «из-за отставания одновременно экономической и инновационно-когнитивной составляющих от уровня социальной составляющей, которая оказывалась впереди благодаря уровню, достигнутому еще в советское время» (с. 300);
- сохранение факторов социокультурной дисфункциональности и торможения модернизации. Это структурно-социетальные (Т. И. Заславская, В. А. Ядов, 2010 – недостижимость главной стратегической цели реформ: «обеспечение социально-экономической конкурентоспособности России с передовыми странами Запада» и нелегитимность для массовых слоев общества «результатов реформ и связанного с ними перераспределения общественного богатства»), материальные (стагнация: «Самое плохое, что произошло у нас после кризиса, – это то, что Россия перешла на сниженную траектория развития» – А. Г. Аганбегян, 2012) и ценностно-культурные («Статистически фиксируемый рост социоэкономической модернизации дисфункционален в ее человеческих измерениях. Основная дисфункция состоит в том, что социум не востребует культурный потенциал населения в качестве культурного капитала, дающего практические результаты – профессиональную деятельность его обладателей, их доходы и успехи всей страны» – Н. И. Лапин);
- квазимодернизационный характер наблюдаемых процессов – «дисфункциональность можно квалифицировать как *социокультурную квазимодернизацию*, которая стимулирует стагнацию и рецессию пока еще значительного человеческого потенциала россиян. Повсеместно сохраняются очень низкие показатели инноваций в знаниях и качества экономики – ее прозрачности, конкурентоспособности, социальной ответственности. Наряду с этим «сжимается пространство общественно-политических свобод и прав граждан» (с. 305).

Острота приведенных формулировок не отменяется констатацией некоторых позитивных тенденций послекризисных 2010–2015 гг. Авторы Атласа отмечают: «Продолжала снижаться незащищенность населения от острых социальных опасностей. Ниже критичных 50 % опустилась незащищенность от преступности, произвола чиновников и правоохранительных органов, хотя незащищенность от бедности остается на уровне 60 %. Мало изменилась и структура субъективных восприятий материальной обеспеченности» (с. 305).

Но главным результатом авторского коллектива является, конечно, не смягчение формулировок и не острота выводов, а предложение способов эффективной модернизации России (с. 307–316) и обоснование важности стратегического планирования интегрирующей модернизации в контексте долгосрочного целеполагания ее гуманистического вектора (с. 317–320). Не менее интересны показанная в Атласе иерархическая дифференциация субъектов и федеральных округов России по состояниям модернизованности, выявленные противоречивые тенденции эволюции регионов: спонтанность, фрагментарность, несбалансированность процессов модернизации, ее социокультурная неэффективность.

В. И. Суслов

Институт экономики
и организации промышленного производства СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

suslov@ieie.nsc.ru

For citation:

Suslov V. I. The review on «The atlas of modernization of Russia and its regions: socioeconomic and sociocultural tendencies and problems». Moscow, Whole world, 2016, 360 p. *World of Economics and Management*, 2017, vol. 17, no. 3, p. 199–202. (In Russ.)